

Кондратьев Николай Осипович

краевед

г. Шумерля, Чувашская Республика

БОЛЬШЕСУРСКАЯ КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА КУРМЫШСКОГО УЕЗДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация: статья посвящена Большесурской корабельной роще Курмышского уезда. Рассматриваются основные этапы становления корабельных лесов, этапы вырубок и восстановительных работ, режим функционирования заповедных рощ, современное состояние Присурских дубрав.

Ключевые слова: Чувашская Республика, дубравы, Большесурская корабельная роща, лаиманная повинность, дуб.

Большесурская корабельная роща в Курмышском уезде Симбирской губернии может служить образцом дубовых корабельных рощ, расположенных по рекам Волге, Каме и их притокам, как по величине своей, так и по прекрасному состоянию лесонасаждений и доброкачественности произрастающего в них леса [22, с. 1].

Поволжье издавна славилось своими дубовыми лесами. Наиболее ценными и известными из них являются дубравы Среднего Поволжья – Казанские нагорные дубравы. Много столетий назад все правобережье Волги здесь было занято сплошным дубовым массивом. Интенсивными рубками дремучие дубовые леса постепенно были раздроблены на отдельные рощи и дачи. В 1703 г. они были отнесены к разряду корабельных, подлежащих особой охране и порядку использования. С тех пор до 1860 г. в корабельных рощах Казанских нагорных дубрав рубка дубовых деревьев производилась «на прииск» и только для нужд кораблестроения [19, с. 151]. Казанскими они назывались не только потому, что согласно губернской реформе Петра I территориально вошли в состав Казанской губернии, но и потому, что с первых лет XVIII в. и до начала XX вв. находились под ведомством сначала казанского воеводы Н. Кудрявцева, затем возникшего в 1710 г. в Казани портового управления, преобразованного в 1718 г. в

лесную контору, а в 1722 г. – в адмиралтейскую контору [6, с. 240]. После упразднения статуса корабельных лесов в 1860-е годы они переданы Управлению государственными имуществами Казанской губернии [11, с. 440].

Заготовка корабельного леса в Чувашии началась в 1701 году. Для этого из уездов Чувашии были взяты сотни работных людей на 8 месяцев для заготовки корабельного, леса по Суре, а также Ветлуге и Кокшаге [6, с. 179–180]. В 1702 году, 27 марта, Петр I именным указом повелел «во всех городах и уездах... осмотреть и описать леса». Указом были определены заповедные корабельные породы: дуб и другие твердолиственные породы, лиственница, а также сосна «в отрубе двенадцать вершков и больше» (53 см). Их запрещалось рубить на расстоянии 50 вёрст от больших сплавных рек и на 30 и 20 вёрст – от впадающих в них годных для сплава средних и малых рек [1]. Первый лесной указ общегосударственного значения от 19 ноября 1703 г. почти полностью повторил предыдущий, ввел строгие карательные меры за нарушения в лесах, а также обязал считать заповедными дубовые массивы: Большесурскую рощу и Ильину гору Курмышского уезда Симбирской губернии и Леонтьев байрак Харьковской губернии [18, с. 6]. Таким образом, наши леса с первых лет XVIII века оказались в заповедной зоне.

Этим и последующими указами леса Чувашии вдоль Волги, Суры, Алатыря, Бездны, Большой и Малой Цивилей, Уты, Кубни и др. оказались в заповедной зоне, где рубка леса разрешалась только для нужд кораблестроения. Наказания, штрафные санкции за нарушение были необычайно суровыми. За срубленный дуб или значительную порубку прочих заповедных деревьев виновного ожидала казнь. Неприкосновенность заповедных деревьев распространялась на все дачи без различия – как казенные, так и частные [23, с. 6–7; 8, с. 36; 18, с. 6].

Особое место среди корабельных дубрав занимала Большесурская корабельная роща Курмышского уезда Симбирской губернии. Она было самой крупной в России: «По пространству своему и по значительному запасу дубового леса, годного на кораблестроение, Больше-Сурская роща занимает первое место в числе лиственных корабельных рощ Империи» [11, с. 439]. Заповедной

лес, корабельный лес – так называлась Большесурская корабельная роща в разное историческое время. Было у него и другое название – Алгашинская Большесурская роща, наверное, потому, чтобы не спутать с Большесурской корабельной рощей Алатырского уезда. Большесурская роща входила в состав непрерывного кряжа лесов, тянувшихся по Буинскому, Корсунскому, Ардатовскому и Алатырскому уездам Симбирской губернии и Цивильскому и Ядринскому уездам Казанской губернии. Занимала она чувашскую правобережную часть Курмышского уезда, отстоя от реки Суры в расстоянии от 4 до 15 верст (1 верста = 1,0668 км) и прилегала к степным местностям Курмышского, Ядринского уездов [22, с. 1–2]. В настоящее время эта территория Шумерлинского, а небольшая северная ее часть – Красночетайского районов.

Заготовка, вывозка и отправка леса.

Основной работой, проводимой в корабельных рощах, была заготовка корабельных деревьев. Для этого назначались «комиссионеры и при них мастеровые рабочего экипажа». Поиск годных деревьев дуба производил комиссионер с наложением условного клейма с ведением подробной ведомости приисканных деревьев. Пригодность и качество дубового дерева до валки предугадывались в основном опытом и интуицией «облащика». Он взбирался на дерево с помощью лестниц или иных приспособлений и простукивал его по высоте. Когда удар молота или обуха топора производил звонкий звук, это дерево предназначалось к валке.

Деревья рубились топорами. Если дерево хороших корней не имело, то его рубили на высоте 45–60 см от земли, если же дерево имело хорошие корни, то оно выкапывалось из земли с корнями, оставлялся один самый лучший корень, а остальные обрубались и дерево валилось.

Первоначально заготовки пытались проводить посредством найма вольно-рабочих людей. Однако работы по рубке, валке и вывозке деревьев были сопряжены с большими трудностями, это делало работы малопривлекательными, и добровольцев, естественно, было мало. Поэтому с 1718 г. Петр I превратил эти работы в повинность для коренного населения территорий заготовки. Было

повелено в Казанской, Симбирской, Вятской и Нижегородской губерниях для работ по валке и вывозке корабельных деревьев использовать некрещенных мордву, татар, чувашей и черемис без всякой платы. Коренное некрещенное население поволжских губерний, приписанное к работам по заготовке и вывозке корабельного леса, стало называться лашманами.

Согласно утвержденному в 1817 г. «Положению о лашманах», последние обязываются заготавливать деревья столько, сколько потребуется по нарядам, проводить рубку, отделку и вывозку деревьев из леса к пристаням. Вывозка заготовленных деревьев или кряжей проводилась конными лашманами по специальным сабанным дорогам, прорубленным в лесу по наикратчайшему расстоянию к месту вывозки. Эти дороги назывались также лашманными.

Первоначально дубовые леса в низовых губерниях были в изобилии и корабельные деревья попадались недалеко друг от друга и от сплавных рек. В дальнейшем места рубок постепенно удалялись от рек, расстояния между крупномерными деревьями постепенно увеличивались, а число их постоянно сокращалось. Поэтому за отыскание большемерных деревьев даже была назначена премия.

Отправка леса с пристаней для доставки в адмиралтейства и порты проводилась только весной, после вскрытия рек, с апреля по май, на судах различного рода и конструкций. Для доставки корабельного леса было создано 8 отделений, из которых два находились на территории современной Чувашии. В Нижнесурском отделении заготавливались дубовые деревья прямые и с корнями для Санкт-Петербургского и частично Архангельского портов. Заготовка проводилась в Алатырском, Буинском и Курмышском уездах Симбирской губернии и в Ядринском, Козьмодемьянском и частично в Цивильском уездах Казанской губернии. Для складирования и отгрузки заготовленного леса имелось 8 пристаней: на реке Суре – Явлейская, Майдановская, Языковская, Курмышская, Ивановская, Красноселищенская и Васильсурская, на реке Волге – Ильинская пристань. Большесурской роще заготовленные кряжи вывозились на две пристани: на Языковскую и Курмышскую. На лесных пристанях для хранения и сбереже-

ния дубовых кряжей были построены склады, «сии дубовые кряжи, хранясь в сараях... будут постепенно высыхать и сделаются прочнее в потреблении» [21, с. 28–30; 11, с. 440].

В 1997 году в Чувашском книжном издательстве увидела свет работа группы авторов в составе Г.И. Редько, И.Я. Яковлева, А.И. Яковлева и П.Т. Тихонова «Корабельные дубравы Чувашии». Авторы, в частности, приводят данные о количестве заготовленного в разные годы в Большесурской роще корабельного дуба. Здесь надо иметь в виду: заготовка велась не сплошными делянками, а «на прииск», то есть отыскивались и вырубались большие по объему и лучшие по качеству деревья.

В Симбирской губернии в 1799–1809 гг. за 10 лет было заготовлено 17627 дубовых кряжей длиной от 1,5 до 29 м и толщиной в комле от 10 до 112 см. Причем в Алатырском уезде за этот же период было заготовлено уезде 4952 шт., Буинском 7408 шт., а в Курмышском уезде из «Большого казенного Сурского леса при селе Алгаши» 4878 дубовых кряжей.

В 1826–1836 гг. в Большесурской же роще было вырублено 5976 дубовых деревьев, причем нередко срубались деревья толщиной до 111 см в комле и длиной до 12,5–17,0 м [21, с. 25, 32].

В Государственном историческом архиве Чувашской Республики хранится «Дело о заготовке и вывозке лесоматериалов из лесных дач Курмышского уезда для кораблестроения». Из документов следует, что за зимний период 1835–1836 годов было заготовлено и вывезено на поляны всего 519 дубовых кряжей, из них отобрано для отправки в Петербург и вывезено к р. Суре на Языковскую пристань 272 кряжа, 33 из них оставлены на полянах для распиловки, и отправки на следующий год, а из оставшихся фаутных (отбракованных) 214 кряжей отобрано дальнейшей сортировкой дополнительно еще 33 кряжа для Казанского арсенала. Из них 160 деревьев были заготовлены в корабельной роще при селе Ходары, 91 дерево – при селе Алгашах и 21 дерево при деревне «Сюмерля». Выборка для флота из заготовленных кряжей составила 52% [4, с. 1–14].

Итак, за период с 1799 по 1809 и с 1826 по 1836 годы в Большесурской роще в среднем за год было заготовлено от 500 до 600 деревьев дуба. Сведениями об отправке корабельных деревьев за XVIII век мы не располагаем. Найти эти данные в архивах Чебоксар, Казани и Ульяновска нам не удалось. Если допустить, что объемы заготовок были такими же, как и в XIX столетии, то получится, что за 160 летний этап корабельных лесов в роще было заготовлено около 75–95 тысяч отборных дубовых деревьев.

Караваны с судами, отправлявшиеся от низовых пристаней, достигали Петербурга большей частью за два судоходства (навигационных периода). Зимовка была в г. Рыбинске. Существовало несколько водных систем, из них для нас представляет интерес Мариинский канал, ибо именно по его водам (реки Волга, Шексна, Ковжа, Вытегра, Свирь, озер Белое, Онежское, Ладожское) доставлялись суда с грузом в Петербург [12].

Таким образом, сегодня мы с уверенностью можем сказать, что в военноморских победах России в начале XVIII века и до 60-х годов XIX века есть и доля наших Шумерлинских дубрав.

Состояние рощи.

О состоянии рощи в первой половине XIX века можем судить на основании данных работы Комиссии по выделению и освидетельствованию Корабельных роцц и данных по заготовкам корабельного леса. Начальник Комиссии в 1830–1836 гг. генерал-майор Паренсов отмечает, что количество дубовых лесов в Поволжье значительно уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом, о чем свидетельствуют дубовые пни, находящиеся на пашнях в непосредственной близости от лесов. Дубравы сильно засорены валежником и порубочными остатками. Леса сильно изрежены, в оставшихся лесах в основном находятся приспевающие деревья, годные для флота встречаются редко и среди них много фаутных с внутренними и внешними пороками [20, с. 15, 26].

Комиссия в своих журналах подчеркивала, что самый лучший дубовый лес находился в Курмышском уезде, в котором, несмотря на проводившиеся ранее заготовки корабельного леса, встречались до 5–10 огромнейших дубовых дере-

вьев на десятину, которые могли дать кряжи толщиной более 90 см в комле и длиной бессучковой части до 6,5 м превосходного качества. Нередко срубались деревья толщиной до 115 см в комле и длиной до 12,5–17,0 м. Лучший лес произрастал в северной части около деревень Штанаши, Туваны и Выла, и в средней части у деревень Шумерля, Мыслец [21, с. 25].

В рощах находились и вырубались настоящие гиганты. Характерно описание состояния дубовых лесов Директором Департамента корабельных лесов бароном Ф.П. Врангелем (1840-е годы): «Не более 25 лет назад в Сурских лесах срубали деревья дуба здоровой древесины, из которых выходили обделанные кряжи в 900 и даже 1100 пудов (14,4 куб. м. и 17,6 куб. м.), а ныне весьма редко находятся и в 500 пудов (8 куб. м.).

Сам климат в лесах изменился, от густоты леса и под защитой рослых и ветвистых деревьев холод в лес не проникал, и вода в лесу часто не замерзала, тогда как на опушке свирепствовали морозы, следовательно, и древесина растущих дубов не портилась. Ныне в изреженных лесах большая часть дубов имеет или продольные трещины или красные полосы от сильных морозов. Так сама природа наказывает человека за истребление ее даров [20, с. 17–18].

Несмотря на то, что в Большесурской роще «в прежнее время производились повсеместно... значительные заготовки корабельного леса», в 70-х гг. позапрошлого века ученые-лесоводы отмечали «превосходное качество тех, хотя довольно редко встречающихся, корабельных деревьев, которые сохранились в целости по настоящее время. В особенности отличается прекрасным качеством дубовый лес в северной части рощи. Преимущественно в этой части были заготовлены корабельные кряжи, назначенные на Московскую политехническую выставку (1872 г. – Н.К.). Всего было срублено 53 дерева, из которых оказалось годных 19 и с фаутами 34. Весьма жаль, что этот лес не попал на выставку! Прекрасные качества его, желтизна и крепость древесины могли бы служить доказательством, что дубовый лес северо-восточной России с успехом может соперничать с дубом не только западной России, но и вообще Европы. Если же кто-нибудь из германских лесничих посетил бы выставку, то, осмотрев дубовые

кряжи из Большесурской рощи и из Казанской губернии, он должен был бы знать, что изречения Пфейля: «Германия – родина дуба» потребует в редакции своей некоторого изменения [22, с. 3–4].

Отметим, однако, что одному из дубов-великанов наших лесов все-таки суждено было побывать на выставке, причем даже не только Российского масштаба, а международного. «Лесной журнал» за 1900 год сообщал, что в том году на всемирной выставке в Париже демонстрировался дубовый кряж из России, выпиленный из 485-летнего дуба высотой 31 м и диаметром 169 см. Этот дуб был срублен в Большесурской лесной даче Курмышского лесничества Симбирской губернии [2, с. 9]. Ныне эта территория Саланчикского участкового лесничества КУ «Шумерлинское лесничество».

Лесохозяйственные работы в даче.

Зарождение лесокультурного дела в России, появление первых лесных законов, предписывающих заниматься искусственным восстановлением и разведением дубовых лесов, связаны с корабельными лесами поволжских губерний. Первый опыт разведения дубовых рощ был сделан в Чувашии.

В 1731 году императрица Анна Иоанновна подписала указ «О сборе денег для содержания Адмиралтейства и флота, размножения дубовых лесов в Казанской губернии и пр.» [17], где предписывалось «для размножения в Казанской губернии дубовых лесов на порожних чувашских и черемисских землях, на которых жилье и пасек не имеется, сеять дубовыми желудями и для осмотра тех мест послать казанскому генерал-губернатору из казенной лесной конторы нарочных, и сколько таких свободных земель найдется, тому учинить описи и послать в Сенат». В этом же году под руководством форстмейстера Ягана Фалентина проведен посев 3 четвертей желудей вблизи новокрещенской чувашской деревни Собачкиной Свияжской провинции Кокшайского уезда (нынешняя территория Мариинско-Посадского района), из которых взошли 3500 дубков. В последующие годы эта работа также проводилась в небольших объемах. Так, в 1735 году пересадку молодых дубков и посев желудей проводили под руководством М. Зелгера в Чебоксарском и других уездах.

В дальнейшем попытки искусственного разведения дубовых лесов проводились постоянно [6, с. 241; 21, с. 36–37, 23, с. 10–11]. Опыты создания лесных культур в Большесурской роще имеют более чем двухвековую историю. С начала 1800-х годов предпринимались опытные посевы дубовых желудей и семян лиственницы и кедра. В октябре 1803 г. были засеяны желудями две поляны Кшуя и Пидилево, площадью 2,1 и 1,6 га. При обследовании в 1830 г. состояние дубков было найдено очень редким: и такого качества, которое не могло быть благонадежным на будущее кораблестроение. Высота дубков не превышала 2,1 м, стволы были изогнутыми, с наростами и большой сучковатостью [21, с. 39].

В 1830–1833 годах в Курмышском уезде были сделаны первые попытки разведения лиственницы и кедра. Около с. Алгаши были посеяны семена кедра и лиственницы. Из донесения Алатырского отделения от 25 июня 1836 года, направленного Симбирской удельной конторе, видно, что «осмотром места посевов семян кедра и лиственницы обнаружено всего 13 деревцев лиственницы вышиною от земли один вершок,... на произрастание надежды не имеется,... содействия всходам никакого не было». Таковы были результаты первых опытов по интродукции лиственницы и кедра [23, с. 11].

Но попытки выращивания древесных пород продолжались. Несмотря на отрицательный результат площадь искусственно созданных до 1836 года дубовых насаждений в Курмышском уезде составил 96,1 га, тогда как в Буинском уезде – 24,0 га, в Алатырском – всего лишь 3,3 га. В Казанской губернии произведено было лесных культур в эти годы на площади 84,0 га., что даже меньше, чем в Курмышском уезде Симбирской губернии [21, с. 41].

Лесной ревизор лесного отделения Управления государственными имуществами Казанской губернии ученый-лесовод Г. Тидеман в 1874 году отмечал, что посеянные в роще желудями в начале XIX столетия культуры имеются на незначительных пространствах. Причем дуб принялся очень хорошо, и эти культурные места представляют почти чистое, сомкнутое дубовое насаждение. Вместе с тем он отмечал, что «естественное облесение лесосек дубом оказыва-

ется, однако довольно плохим». Зато весьма успешно идет естественное возобновление вырубленных сплошных лесосек мягкими породами, а также кленом, ильмом, вязом и отчасти ясенем [22, с. 6–7].

Кроме охраны и рубок на прииск лучших деревьев, в корабельных рощах издавна проводили и специальные мероприятия по выращиванию высококачественных стволов дуба – обрезку сучьев и вырубку второстепенных пород, мешавших его росту. «Подчистки» дубов в Казанских дубравах производились уже с 30-х годов XVIII в. Приглашенные из Германии форстмейстеры с учениками обрубали сучья в самых лучших дикорастущих корабельных рощах. При этом между деревьями дуба полностью ликвидировали кустарник и поросль других древесных пород. В результате деревья дуба остались без защиты от ветров и морозов, получили трещины и вредные наросты, приведшие их в негодность для кораблестроения, а многие вообще погибли. Таким образом были обработаны корабельные леса вдоль Волги между Нижним Новгородом и Казанью на расстоянии 80 км.

К 1829 г. в Поволжье только неподчищенные леса изобиловали годными для кораблестроения деревьями. Меньше повреждались дубы, если при спиливании сучьев раны замазывали специальным варом [19, с. 152].

Первоначальные сведения о роще.

Первоначальная площадь Большесурского леса неизвестна. В то время, впрочем, как и до конца XVIII века, размеры лесов указывались в верстах «вдоль» и «поперек». Кстати, Большесурская роща изображена на первой лесной карте России «Леса в Курмышском, в Ядринском, в Кузьмодемьянском, в Цывильском, в Саранском уездах по реке Суре и по реке Свияге, по обе стороны тех рек и по иным рекам и малым речкам, которые леса досматриваны в прошлом 1700 году». Зеленые значки деревьев на этой карте имеют разный размер, особенно велики они в междуречье Волги и Свияги [10, с. 115–120].

Первые более или менее достоверные сведения о лесах появляются только в материалах Генерального межевания земель. В Симбирской губернии оно было начато в 1797 году, землемерные работы проведены в конце XVIII и в пер-

вые годы XIX вв [7, с. 64]. В описаниях находим интересные сведения о лесах, о породах деревьев, высоте и толщине деревьев строевого леса, о пригодности лесов к корабельному строению и поташному делу [7, с. 75].

Интересующая нас лесная дача числится под №62. Называется она «Казенной Большой Сурской черной лес», и здесь мы впервые встречаем площадь этой дачи – 55856 дес. (1 дес. = 1,0925 га), в том числе «лесу строеваго и дровянаго по суходолу, между коим изретка годной к корабельному строению» – 50441,2 дес. Леса дачи охарактеризованы так: «Лес растет строевой: дубовой, сосновой, березовой, асиновой, еловой, липовой и кленовой вышиною от 5 до 10 сажен, во отрубе от 10 до 14 вершков, между которого дубовой, годной к корабельному строению; дровяной: ареховой, ивовой, черемуховой, вязовой, таловой, рябиновой, калиновой, вербовой, асиновой, кленовой, ясеневой и прочих родов мелкой, которой для зжения поташа не способен». В среднем деревья были в вышину от 10 до 20 метров, а их диаметр – от 44 до 62 см [13; 7, с. 75]. Как видно, в то время характеристика лесных угодий была весьма примитивной.

По результатам межевания в 1798 году был составлен геометрический план Казенного Сурского черного въезжего леса Курмышского уезда [3].

Подробная съемка и таксация рощи произведена была в первый раз в 1851 и 1852 годах. Тогда же она была разбита на 4-верстные кварталы. Работы производились по распоряжению Правления Низового Округа. В 1885 году из бывших раньше 159 четырехверстных кварталов было образовано 615 одноверстных [25, с. 136–137].

Лесоустройство рощи.

Первое лесоустройство Большесурской рощи началось в 1858 году, в котором была устроена юго-восточная часть рощи. Вся роща была устроена по инструкции для устройства корабельных рощ в 1861 году. В материалах лесоустройства изложены достоверные и более исчерпывающие данные о роще. Разыскать их в наших архивах не удалось. Обобщенные данные этого лесоустройства изложены в статье ученого-лесовода Г. Тидемана «Большесурская

роща, как образец наших дубовых лесов на востоке» в «Лесном журнале» за 1874 год. Впервые в истории лесного хозяйства лесная площадь была определена не только по общей площади, но и «по господствующим породам».

Оказалось, что дубравы в роще занимают 82% территории [22, с. 2, 4–5]. О возрасте дубрав мы знаем из анализа ревизии первого лесоустройства, произведенного в 1885 году, и сравнивая ее с данными первого лесоустройства. Дуб, являясь господствующей породой рощи, занимает вместе со спутниками: липой, кленом, ильмом и вязом, а отчасти ясенем и сопутствующими породами: березой и осиной 46320 дес. или 82% лесной площади. Затем следуют хвойные насаждения, покрывающие около 6330 дес. – 11%, наименьшую площадь имеют лиственные породы – липа, береза, осина (распределенных почти по равной части) – около 3900 дес. или 7% насаждений. Причем последние представляют производные насаждения, которые заменили коренные дубовые насаждения в местах их интенсивных рубок.

Таким образом, до начала эксплуатации рощи в целях кораблестроения в начале XVIII века коренные леса на 89% лесной площади были представлены преимущественно широколиственными дубовыми насаждения с их спутниками и сопутствующими породами, 11% хвойными с еловыми и сосновыми и насаждениями с небольшой примесью осины и березы, причем среди хвойных явно преобладала ель [25, с. 136–138, 140, 144–145; 22, с. 2, 4–5; 11, с. 439, 441]. В то же время здесь накопилось огромное количество сухостойного дуба – около 160 тыс. шт [25, с. 154], т.е. около одного млн. куб. м.

Насаждения с господством дуба встречаются по всей даче, занимая в основном значительные сплошные площади и только изредка попадаясь небольшими куртинами среди насаждений других пород. Совершенно чистых дубовых насаждений в роще нет, но нет и насаждений, в которые бы он не входил более или менее значительной примесью или не встречался бы единично [25, с. 142].

Надо отметить, что хорошие лесорастительные условия Казанских нагорных дубрав обусловили отличное качество древесины и высокую продуктив-

ность. Дубравы были представлены трехъярусными насаждениями с дубом в первом ярусе, с липой, кленом, ильмом и средневозрастным дубом во втором ярусе, лещиной и другими кустарниками в третьем ярусе [19, с. 151].

Хочется обратить внимание еще на один факт из истории Курмышского уезда. Нужды кораблестроения побудили правительство Петра I построить лесопильные заводы («пильные мельницы», «пиловальные заводы»). В 1698 г. близ Курмышы в селе Можарове на реке Пьяне было начато строительство первой «пильной мельницы», а в 1700 г. – второй. В строительстве заводов участвовали крестьяне Чувашии, выделяя с 5 дворов одного пешего, с 50 дворов – одного конного работника. В 1700 году были привезены из-за границы две пильные снасти и 25 больших пил. В 1701 году вступил в строй первый лесопильный завод, в следующем году – второй. Заводы изготавливали дубовые доски «к слюзному и шмаковому делу». Лесоматериалы заготавливали в дубравах Чувашии, заводы обслуживали специально переселенные к ним русские ясачные (государственные) крестьяне – приписные к корабельным лесам [6, с. 240]. Так образовалось село Пильна одноименного района Нижегородской области.

Особый статус корабельной рощи, их строгая охрана, запрещение самовольных порубок и сведения лесов под другие пользования позволили сохранить крупный ненарушенный естественный дубовый массив Большесурской рощи до наших дней.

В сентябре 1863 г. Большесурская роща была передана в ведение Казанской Палаты Государственных имуществ, тем самым была приравнена с остальными казенными (государственными) лесами [5, с. 64], а в 1865 году на этой территории было создано одно из первых в Симбирской губернии Сурское лесничество [22, с. 3].

Лесное хозяйство в бывшей Большесурской роще в лесничествах (с начала 1860-х гг. по настоящее время).

За предыдущий период в Большесурской роще велись выборочные «приисковые» рубки, которые ближе к природе дубового леса, напоминающие естественное отмирание деревьев в девственном лесу, поэтому такие рубки, не-

смотря на ее недостатки, не столь резко влияли на жизнь дубрав, и они не очень сильно страдали от топора человека. В этот период дубравы прекрасно развивались из подроста и самовосстанавливались. Заповедность рощи только увеличила ее сохранность [24, с. 46–53].

С начала 60-х годов XIX столетия начинается принципиально новый период эксплуатации лесов. С 1866 года в роще вводятся, согласно плану хозяйства, сплошнолесосечные рубки [22, с. 5–6]. В дубравах начинается массовая смена коренных лесообразующих пород на производные, менее ценные мелколиственные липовые, березовые и осиновые насаждения. Впоследствии липа сама сменяется на березу и осину.

Интенсивность смены дуба лиственными по отдельным периодам видно по данным лесоустройства последующих лет. В 1885 году была проведена ревизия хозяйства дачи, причем оказалось под дубовыми насаждениями всего лишь 33325 дес. т. е. около 70% к 1861 году. За 20 лет снижение составило 12995 дес. Остальная площадь сменилась лиственными породами [25, с. 1–232]. Не рассматривая лесоустройства лесничеств 1897, 1908 и 1912 гг. остановимся на обследовании лесов 1921–1922 гг. Оказалось, что к моменту образования Чувашской Автономии на территории в современного Шумерлинского района в Шумерлинском, Тархановском, Сурском, Алгашинском и Кумашкинском лесничествах, из лесной площади 73301 дес., дубравы занимали лишь 24328 дес. или 30% (в т.ч. спелые 17602 дес.) [9, с. 46–48]. Таким образом, доля дубрав за 60 лет уменьшилась с 82% до 33%, то есть в 2,5 раза. Отметим, что территории этих лесничеств не совсем совпадали с территорией Большесурской рощи, хотя все они в основном состояли из этой рощи, поэтому выраженная в процентах доля дубрав, если и не совсем точно, то достоверно отражает истинную картину уменьшения дубрав.

Главной причиной смены дубовых насаждений лиственными являлась, преимущественно, сплошная рубка и отсутствие тщательного ухода за молодняками на вырубках [9, с. 35].

Сплошные рубки противоречат природе самого леса, сплошное опустошение лесного пространства в естественных условиях происходит крайне редко, в результате стихийного бедствия: пожара или урагана, что в условиях дубрав очень сомнительно. Появляющийся после рубки самосев дуба попадает в непривычную для них в обычной жизни условия, для них резко меняется микроклимат, они подвергается стрессу. Приемы лесоводственных уходов за молодняком лесоводам в то время еще были известны мало, и естественно, такие уходы не производились, в следствие чего дубовые всходы заглушались их сверстниками – листовенными быстрорастущими породами. Осветления и прочистки начали проводиться лишь в конце XIX – начале XX вв. передовыми лесничими и то в небольших объемах, по собственной инициативе. Планирование лесоводственных уходов за молодняками началось только ревизиями лесоустройств 1912 года [15].

В советский период эксплуатация леса велась более интенсивными темпами, особенно в период индустриализации страны в годы первых пятилеток. По дубовому и хвойному хозяйствам в то время вырубалось ежегодно по несколько расчетных лесосек. Этого требовали спрос на древесину в масштабе страны и удовлетворение потребностей в дубовой древесине первенцев первой пятилетки дубильно-экстрактового завода «Большевик» (бывший химический завод) и деревообрабатывающего комбината (комбината автофургонов). В последующие годы, хотя переруб и сократился, но продолжился до второй половины 1970-х гг [23, с, 69–70, 94–95, 114]. В результате, к середине 60-х годов прошлого века площади дубрав сократились в несколько раз. Началась деградация дубрав.

По данным последнего лесоустройства Шумерлинского лесхоза 1993–1995 гг. дубравы представлены небольшими участками среди мелколиственных насаждений. Насаждения дуба составляют 14,2 тыс. га. или 23% покрытой лесом площади. Но в большей степени удручает возрастная структура дубрав. Площади молодняков составляют 7,1 тыс. га (50%), средневозрастных – 5,7 тыс. га (40%) припевающих, спелых и перестойных насаждений – 1,4 тыс.

га (10%). С 1881 года доля последних в покрытой лесом площади сократилась в 36 раз. Из общего количества естественные насаждения составляют чуть меньше половины, остальная половина – это искусственные, преимущественно менее устойчивые ко всяким невзгодам одноярусные чистые культуры. Дубравы представлены небольшими, маленькими участками среди лиственных насаждений [16].

Специальное обследование, проведенное в 1997 году Брянской лесопатологической партией, выявило, что 70% дубрав, включая молодняки, деградированы. В результате сокращения лесных площадей и дробления некогда сплошного массива дубравы приобрели другое качество, которое выразилось в неспособности противостоять действию неблагоприятных факторов: критические температуры (засухи и морозы минус 40–45 градусов и ниже), листогрызущие и стволовые вредители, грибные болезни и другие факторы. Это стало следствием грубого вмешательства человека в природу [14].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Благодаря Указам Петра I леса Шумерлинского района сохранены как природная формация.

2. Сначала XVIII в. Большесурская роща стала объектом лесопоставок. За 160-летний этап корабельных лесов в роще ежегодно заготавливалось 500–600 крупномерных отборных дубовых деревьев, т.е. 75–95 тысяч штук.

3. В роще были сделаны первые попытки ведения лесохозяйственных мероприятий, ухода за насаждениями, восстановления и разведения дубовых лесов.

4. Большесурская роща являлась самой крупной корабельной рощей и служила образцом дубовых корабельных рощ России.

5. Установление особого режима хозяйствования: ведение только приисковых рубок самых лучших и качественных деревьев для нужд флота, запрещение всех других видов пользования, привело к уменьшению доли лучших деревьев в насаждениях. Худшие деревья, наоборот, оставались и активно участвовали в

возобновлении и смене поколений. В дубраве происходила интенсивная «негативная селекция».

6. Проводившиеся в течение XVIII века лесохозяйственные работы – «подчистки дубов», привели к ухудшению их качества.

7. С началом сплошнолесосечных рубок, не соответствующих естественной природе леса, в коренных дубравах началась смена пород на производные, менее ценные мелколиственные, что стало новым и главным явлением в жизни дубрав. Следствием этого стало резкое снижение площади дубрав, что привело в конечном итоге к их деградации.

Список литературы

1. лет лесному хозяйству России. URL: <http://museum.forest.ru/310.html>
2. Глебов В.П. Дубравы Чувашии / В.П. Глебов [и др.]. – Чебоксары, 1998. – С. 9.
3. Графические документы... Курмышский уезд // Государственный архив Ульяновской области. Оп. 5. Ф. 928.
4. Дело о заготовке и вывозке лесоматериалов из лесных дач Курмышского уезда для кораблестроения. 1835–1836 // Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф. 193. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–14.
5. Дело о передаче корабельных роц Симбирской губернии из ведения удела в ведомство государственных имуществ. 1862–1865 гг. // ГИА ЧР. Ф. 193. Оп. 3. Д. 32. Л. 64.
6. Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – С. 240.
7. Дмитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – начале XIX веков по материалам генерального межевания / В.Д. Дмитриев // Исторический сборник. Ученые записки. – Вып. 31. – Чебоксары, 1966. – С. 75.
8. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX веков / Э.Г. Истомина // Отечественная история. – 1995. – №4. – С. 36.

9. Кедров Н.И. Очерк лесов Казанского края: [К карте лесов Чувашск. и Марийск. обл. и Тат. республики по обследованию, произведенному XI лесо-устроительным окр. в 1921–1922 гг.] / Н.И. Кедров. – Казань: Средне-Волжск. областоп., 1923. – С. 46–48.

10. Кусов В.С. Чертеж досматривания лесов 1700 года / В.С. Кусов // Известия вузов. Геодезия и картография. – 1976. – №1. – С. 115–120.

11. Липинский. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Часть 1. – С. 439, 441.

12. Мансурова Ю. Направления деятельности Казанского адмиралтейства XVIII – начала XIX века / Ю. Мансурова // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал. – 2007. – №2.

13. Описания дач генерального межевания. Курмышский уезд. Выявлены В.Д. Дмитриевым // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 765. Инв. №2392.

14. Отчет по лесопатологическому обследованию части лесов Красночетайского, Мариинско-Посадского, Опытного, Шумерлинского, Ядринского и Янтиковского лесхозов Комитета по лесному хозяйству Чувашской Республики. – Брянск, 1997–1998 гг.

15. Отчеты лесоустройств Кумашкинского, Шумерлинского, Тархановского лесничеств // ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 85, 88, 91.

16. Проект организации и развития лесного хозяйства Шумерлинского лесхоза комитета по лесному хозяйству Чувашской республики. Пенза, 1993–1995. Т. I. С. 120–126.

17. ПСЗ. Т. 8. №5831.

18. Редько Г.И. Исторический очерк искусственного лесовозобновления и лесоразведения в СССР / Г.И. Редько, И.В. Трещевский // Рукотворные леса. – М., 1986 г. – С. 6.

19. Редько Г.И. Лесные культуры дуба в Казанских нагорных дубравах / Г.И. Редько, И.В. Трещевский // Рукотворные леса. – М., 1986. – С. 151.

20. Редько Г.И. Корабельные дубравы Среднего Поволжья. Библиотечка работника лесного хозяйства / Г.И. Редько, И.А. Яковлев, А.С. Яковлев. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 17–18.

21. Редько Г.И. Корабельные дубравы Чувашии / Г.И. Редько, И.А. Яковлев, А.С. Яковлев, П.Т. Тихонов. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1997. – С. 28–30.

22. Тидеман Г. Большесурская роща, как образец наших дубовых лесов на востоке / Г. Тидеман // Лесной журнал. – СПб., 1874. – Вып. 1. – С. 1–2.

23. Тихонов П.Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития / П.Т. Тихонов. – Чебоксары, 2001. – С. 6.

24. Хитрово А.А. К вопросу о судьбе дубрав Средней России / А.А. Хитрово // Лесной журнал. – 1908. – Вып. 1. – С. 46–53.

25. Часть таксационного отчета по ревизии хозяйства Больше-Сурской дачи. 1885 г. // Государственный архив Ульяновской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–232.